

ность въ сдѣлкахъ и договорахъ считается необходимою. Въ случаѣ нарушенія этой честности, судьи, если не опредѣляютъ наказанія, то по крайней мѣрѣ клеймятъ обманное дѣйствіе названіемъ безчестнаго (unfair dealing), что для англичанина, въ особенности же для торгующаго, не безразлично. Слѣдовательно, своеобразныя воззрѣнія двухъ народовъ, стоящихъ во главѣ торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ цѣлаго міра, вызвали различныя взгляды законодательства и юриспруденціи на мошенничество. Въ Германіи кодексы саксонскій, вюртембергскій, гессенскій, баденскій и тюрингенскій рѣшеніе вопроса о разграниченіи гражданскаго и уголовного обмана отчасти облегчаютъ такимъ образомъ, что мошенничеству въ договорахъ придаютъ смѣшанный характеръ гражданско-уголовный, считая оное преступленіемъ, преслѣдуемымъ по жалобѣ ¹⁾.

¹⁾ Относительно различія между уголовнымъ и гражданскимъ обманомъ находимъ слѣдующія указанія въ германскихъ законодательствахъ:

1) Зависимость отъ гражданскаго иска. Наказуемое мошенничество существуетъ тогда, когда законъ допускаетъ предъявленіе гражданскаго иска къ виновному (Бадень, 452).

2) Ганноверъ, Вюртембергъ. Баварія 1813 и прежній саксонскій код. признаютъ наказуемымъ обманъ въ договорахъ, когда онъ касается существенныхъ (*dolus causam dans*), а не второстепенныхъ (*dolus incidens*) обстоятельствъ договора. Кроме того, къ *dolus causam dans* они относятъ: обманъ, вслѣдствіе котораго потерпѣвшій рѣшился вступитъ въ сдѣлку (Вюртембергъ), и обманъ, въ виду котораго можно требовать признанія договора недействительнымъ (Ганноверъ).

3) Саксонія (286) обманъ въ договорахъ признаетъ уголовнымъ, когда извѣстныя качества вещи или лица были положительно (а не подразумѣваемымъ образомъ) указаны какъ условіе вступленія въ сдѣлку.

4) Обманувшій подлежитъ уголовной отвѣтственности